

Натянули транспаранты, наспех сколотили навесы, очертили для каждого класса зрительские места, чтобы потом все рассаживались строго по параллелям.

Гоудань в последние дни только этим и занимался. Восьмиклассники — народ уже не новый, но для выпускных классов и старшекласников они всё ещё оставались младшими, так что порой приходилось побегать у них на посылках. В те годы школьные активисты горели чистым энтузиазмом. И хотя Гоудань с товарищами были помладше, старшие ребята, которым впервые доверили столь важное дело, как обустройство площадки, буквально рвались в бой, засучив рукава.

Младшим же, по мнению старших товарищей, полагалось лишь бегать по мелким поручениям, смотреть да ума-разума набираться — мол, на их век работы ещё хватит. Кто как к этому относился, Гоудань не знал, но сам был только рад возможности лишний раз не надрываться.

Как ни старайся, а денег у школы было в обрез, так что всё убранство делали чисто для виду. Праздник должен был пройти на большом школьном плацу, где обычно проводили зарядку и уроки физкультуры. На северном краю плаца возвышалась трибуна — широкая каменная платформа, откуда школьное руководство толкало речи на общих линейках. Площадка там была просторной, места хватало, чтобы выстроить в шеренгу сразу два класса, так что под импровизированную сцену она подходила идеально.

Зрителям же оставалось только притащить из классов свои табуретки и рассестся внизу, строго в границах отведённых секторов.

С утра отучились половину дня, а после обеда все потащили свои стулья во двор. Хоть и светило солнце, на улице стоял лютый холод, благо обошлось без снегопада.

Школьники, втянув головы в плечи и непрестанно притопывая от мороза, сплошной тёмной массой заполонили пустырь. Но даже самые простенькие номера на сцене приковывали к себе замороженные взгляды. Ребята, участвовавшие в самодеятельности, из кожи вон лезли, чтобы показать себя с лучшей стороны. Девчонки где-то раздобыли красную бумагу и навели ею румяна на бледных от недоедания и стужи щеках, да слегка подкрасили губы. Выглядело это непривычно, порой даже забавно, но сами артистки сияли от гордости и были безумно собой довольны.

Из четырёх ведущих Ван Сюань выделялся особо — до чего же он был хорош! На нём были чистые, хоть и поношенные ватные штаны с курткой, волосы аккуратно причёсаны. Гоудань, сидя внизу, то и дело улавливал за спиной приглушённый девичий шёпот.

Зрители вели себя по-разному: послушные сидели на своих табуретах в границах классов, а сорванцы постарше вскарабкались на голые ветви раскидистых деревьев — листьев давно не осталось, так что обзор оттуда открывался отличный.

Представление шло без малого два часа, и довольны остались все: и выступающие, и публика. В те годы с развлечениями в деревне было туго, поэтому за любое оживление хватались

руками и ногами. Достаточно вспомнить, с каким восторгом молодёжь бегала смотреть кино в соседние деревни — даже если крутили засмотренную до дыр ленту, интерес к ней не угасал. Что уж говорить о первом в истории школы концерте, который ученики подготовили своими силами. Пусть уровень мастерства хромал, все пришли просто повеселиться, и серая зимняя тоска отступила перед предпраздничным оживлением.

Когда толпа начала расходиться, разговоры и смех долго ещё не затихали, а четверо ведущих в один миг сделались самыми узнаваемыми лицами в школе. Каждому хотелось оказаться на их месте: блистать на виду у всех, прослыть лучшим учеником и заслужить похвалу учителей — предел мечтаний любого школьника.

Празднование Нового года — вернее, Первого января — на сей раз вышло по-настоящему душевным. В прежние годы из-за бесконечных политических кампаний праздники проходили нутужно. С одной стороны, сказывалась вечная нехватка продуктов — порой в праздничный день в котелке не густо было, с другой — старые традиции не приветствовались. И заводским рабочим, и простым крестьянам велено было справлять «революционный Новый год». Кому охота радоваться, когда в разгар торжеств устраивают очередные проработочные собрания и допросы? О праздничном духе тогда и помыслить не смели.

С этим светлым чувством ребята вернулись домой на праздничные дни. И тут деревню накрыло оглушительной новостью: землю будут делить по дворам! Отныне каждая семья работает на себя. Хотя пашня уже ушла под снег и скована морозом, распределить наделы решили сейчас, чтобы весной сразу взяться за плуг. И заживёт ли семья сыто или будет перебиваться с хлеба на воду, теперь зависело исключительно от собственного усердия.

Деревня загудела как потревоженный улей: споры, крики, суматоха — жизнь закипела ключом.

Раньше-то, при общем котле, никакой разницы не было — делить хозяйство или жить скопом. Большие семьи, где под одной крышей ютились три-четыре поколения, жили даже сытнее: рабочих рук много, все в одной упряжке. Молодые женились рано, и если старики отличались крепким здоровьем, то четыре, а то и пять поколений, ужинающих за одним длинным столом, никого не удивляли. Все вместе трудились на благо коммуны, и никто не жаловался.

Но теперь, когда землю начали резать строго по душам, каждый стал надеяться только на себя. И жить огромным табором многим сразу разонравилось. В больших семьях старикам тяжело делить любовь поровну между всеми внуками и правнуками, хотя сами они своей предвзятости, конечно, не замечали. Кого-то баловали больше, к кому-то относились прохладнее — обычное дело. Да и на колхозном поле легко было сачковать: если сам поленишься, за тебя другие спину согнут, в общей массе лодыря не сразу и разглядишь.

Семейный подряд менял всё: теперь урожай зависел от одной конкретной семьи. И если в ней заводился лодырь, желающий проехаться на чужом горбу, он обкрадывал уже не далёкую бригаду, а собственных братьев и сестёр. Одно дело закрывать глаза, когда твой родич отлынивает от общественной работы — тут своя рубашка ближе к телу. Совсем другое — когда он ленится на семейном наделе. Дураков не было, терпеть паразитов никто не собирался.

Начались взаимные подсчёты, упрёки, склоки. Хрупкий мир в семьях, державшийся годами, затрещал по швам.

Главы семейств пытались задавить бунт в зародыше, пуская в ход всю свою непререкаемую власть. Слабохарактерные сыновья, привыкшие подчиняться, смиренно склоняли головы, но упрямые стояли на своём — делить имущество, и точка! Старики заводили привычную волюнку со слезами, проклятиями и угрозами наложить на себя руки. Кто-то ломался, а те, кто шёл до конца, в итоге соглашались откупаться от родителей ежегодной долей зерна и денег, лишь бы получить вольную и зажить своим умом.

Словом, крики в деревне Сикань не утихали до самой весны. Деревенскому начальству было не до чужих склок — они сами у себя дома расхлёбывали точно такие же скандалы. Кое-кто из стариков пытался жаловаться, но против воли государства не попрёшь. Решение принято наверху, изволь подчиниться. Будешь упрямиться — вовсе без надела оставят, и кому ты тогда что докажешь?

Так споры о колхозном добре сменились грызнёй за семейные крохи. Целыми днями только и слышно было, как братья из-за клочка земли становятся злейшими врагами, дети припоминают родителям старые обиды, а невестки таскают друг друга за волосы из-за разбитой плошки или пучка лука. Куда только делись прежняя уступчивость и родственная забота? Словно годами копившаяся злоба наконец нашла выход.

Ли Сы спросил Ван Сюаня, как тот хочет поступить со своим надельным паем — ведь ему тоже полагалась земля. Юноша ответил без колебаний: приёмный отец до сих пор кормит его с этих полей, да и прописан он давно в доме Ли как полноправный приёмный сын. Пусть его доля идёт в общий семейный котёл к долям Ли Сы и Гоуданя.

Поразмыслив, Ли Сы отправился за советом к старому старосте. Тот попыхтел трубкой и рассудил так:

— Вообще-то, парень у тебя на глазах вырос, ты его учишь, тянешь, он тебе как родной. Правильно будет записать его пай на твой двор. Но гляди в завтрашний день, Лао Сы: мальчишка-то растёт, скоро остепенится, женится. Сейчас он не против общего хозяйства, а как свою семью заведёт? Тогда делить землю замучаетесь.

— Значит, лучше сразу отдельно записать?

Старик затянулся горьким табаком, выпустил сизое облако дыма и покачал головой:

— Зачем отдельно? Вы же все в одной домово́й книге записаны. Всё равно пока парень учится, ковыряться на его деланке тебе придётся. Давай сделаем так: я объединю ваши три пая в один участок. Обращивать будете вместе, а если потом приспичит разделиться — межевые колышки вбить всегда успеете.

На том и порешили. Объединённый пай из трёх долей должен был участвовать в общей жеребьёвке: какой участок вытянут, тот и достанется. Семья у них по деревенским меркам была крошечной, не то что у соседей по семь-восемь ртов, так что с ними хлопот оказалось меньше всего.

Спросили согласия Ван Сюаня — тот спорить не стал, и бумаги оформили по совету старосты. А вот в больших дворах путаница стояла страшная. Чтобы не сорвать весенний сев, деревенский актив принял волевое решение: выдать землю на каждую домовую книгу целиком по числу душ. А уж как родственники внутри семьи делить её будут — пускай сами решают за закрытыми дверями.

Кому хотелось на старости лет гнуть спину под началом властной свекрови, когда у самих уже внуки на подходе? Раньше бабы лаялись из-за лишнего яйца да куска пампушки, а теперь на кону стояло будущее их собственных детей. Деревня гудела непрерывно.

Но стоило сойти снегу, как все недомолвки пришлось отложить в сторону — голод не тётка. Теперь каждый отвечал за свой карман сам, и груз этой ответственности давил нешуточно. Вчерашние лодыри, привыкшие спать на ходу за колхозный счёт, преобразились до неузнаваемости. Мужики дневали и ночевали на пашне, вылизывая каждую борозду.

Ли Сы с утра пораньше убегал на поле: то проверял, хорошо ли держится вода в чеках, то выискивал малейший сорняк. Холил и лелеял эту землю пуще родного сына.

Гоудань с Ван Сюанем тоже стали чаще приезжать из школы, чтобы помочь. Шутка ли — весь урожай за вычетом госпоставки теперь оставался в доме. Тут уж спину жалеть грех. Раньше Ли Сы берёг ребят, неохотно пуская их на колхозные работы: подросткам всё равно полновесных рабочих баллов не начисляли, а гробить детское здоровье за бесценок Лао Сы не хотел. Даже самый бесхитростный мужик проявит смекалку, когда дело касается его детей.

Теперь, конечно, отцу тоже было жалко парней, но те уже заметно вытянулись. Гоудань так и вовсе обогнал отца на целую голову, косая сажень в плечах. Раз уж рвутся помогать — пусть работают, мужская закалка не повредит.

Тот год выдался благодатным: дожди шли вовремя, солнце грело как надо. После полугода каторжного труда земля отблагодарила людей невиданным урожаем. Такого ликования Сикань не видела давно. Сусеки ломились от зерна, и у крестьян не осталось сомнений — новая власть всё сделала правильно. Разве что парочка неисправимых лентяев ещё вздыхала по былым временам, когда можно было сытно дремать у общего котла, но все остальные понимали: лафа кончилась, пришло время жить по-человечески.

Как говорится, когда в амбаре полно, тогда и на душе тепло. Жизнь потихоньку покатила по мирной, сытой колее, и по осени в деревне одна за другой заиграли свадьбы. Крепкие, работающие семьи больше не боялись лишних ртов — коли рук хватает, прокормить молодую сноху да внучат труда не составит.

Гоудань с Ван Сюанем только и успевали бегать в дружках на свадьбах — то у деревенских родственников, то у прежних одноклассников. А следом за свадьбами, будто грибы после тёплого дождя, посыпались младенцы. Каждую неделю только и слышалось: у того сын родился, у этой дочка. Вчерашние босоногие мальчишки и девчонки враз обзавелись семьями и примерили на себя роль отцов и матерей. От этих стремительных перемен на душу порой наплывала тихая, щемящая грусть.

Время текло невидимой рекой, и не успели оглянуться, как пришла пора прощаться со средней школой. Пути одноклассников разошлись: кто-то выхлопотал направление в техникум, кто-то решил вовсе забросить учёбу и вернуться к плугу, а иные нацелились на старшие классы. Поначалу все думали, что Гоудань и Ван Сюань, неизменно шедшие первыми в списках успеваемости, заберут себе дефицитные места в техникуме, освободив дорогу остальным. Но парни не шутили — они твёрдо решили продолжить учёбу в уездной средней школе.

Сделали общий снимок на память, получили заветные аттестаты, и у многих девчонок и парней на глаза навернулись слёзы. Даже Гоудань, для которого это было уже не первое прощание со школьной скамьёй, почувствовал, как сжалось сердце. За три года совместной жизни они успели сродниться. К тому же отрочество — пора первой искренней дружбы и трепетных чувств, оттого и расставание давалось так тяжело.

Больше всего ребят потрясла новость о том, что двое их одноклассников сразу после выпуска сыграли свадьбу. У всех буквально челюсти поотвисали — никто и подумать не мог, что эти двое втихаря крутили шуры-муры.

Гоудань и Ван Сюань побыли дома несколько дней. Впереди их ждали длинные летние каникулы и давно задуманная поездка в Южные регионы — оставалось только утрясти дела с бумагами.

Заметив, что названный брат ходит сам не свой, Гоудань спросил, в чём дело.

Ван Сюань брезгливо поморщился:

— Да эта... Ван Хэймэй сегодня у колодца ко мне ластилась.

— Чего ей надо? — нахмурился Гоудань.

Семейку дяди Ван Сюаня он терпеть не мог. Жили они в одной деревне, сталкивались то на дороге, то у правления, но держались порознь и не знали. Если бы не эти случайные встречи, Гоудань давно бы стёр их из памяти.

Ван Сюань лишь холодно усмехнулся:

— Видит, что я вырос, силой налился. Думает, попоёт мне сладкие песни, и я, как дурачок,

вернусь к ним батрачить. — Он сделал паузу и добавил сквозь зубы: — Да и на мой земельный пай они, видать, зубы точат.

— Ишь, нашли дурака, — процедил Гоудань. Внутри у него закипала злость. Эту прорву давно пора было проучить, а то зажились спокойно, берега попутали.

Больше всего Ван Сюаня взбесило то, с каким апломбом тётка вещала на всю улицу, мол, кровь не водица, родня должна держаться вместе, и глупо верить чужакам вроде Ли Сы, когда есть родной дядька. И ведь кумушки, стоявшие рядом, согласно кивали головами!

Будто вся деревня не помнила, как над ним измывались в доме дяди! Теперь-то они благодетелями заделались. Где ему жить и с кем делить кров — не их собачье дело. Ван Сюань плевать хотел на чужие пересуды и уж точно не собирался из ложного чувства долга подставлять шею под ярмо. Слава богу, ума у него хватало, чтобы не вестись на дешёвые разговоры о семейных узах.

Увидев, как грозно сощурился Гоудань, Ван Сюань мягко улыбнулся — злость улетучилась, уступив место теплу.

— Ладно тебе, не заводись. Не хмурься так, не хватайся за кулаки. Они просто шуты гороховые, мне от их лая ни тепло, ни холодно. Пускай хоть вся деревня пальцем тычет — я к ним и на шаг не подойду, пускай подышают.

— Ладно, — выдохнул Гоудань. — Но если что — сразу мне говори. Вместе мы их быстро на место поставим.

— Обязательно, — кивнул Ван Сюань. — Просто противно стало, будто в навоз наступил. Ладно, забудь. Ты ведь собирался к старому старосте за направлением? Иди давай, не теряй времени.

<http://bllate.org/book/19654/1996752>